

Ольга Аленова

**Чечня рядом. Война
глазами женщины**

«Коммерсантъ»

Аленова О.

Чечня рядом. Война глазами женщины / О. Аленова —
«Коммерсантъ»,

Книга, написанная признанным мастером «кавказского репортажа», – дневник второй чеченской кампании, охватывающий период с 1999 по 2007 год. «Победоносное наступление» на Грозный, жизнь в разрушенном городе, зачистки и спецоперации, полевые командиры и «федералы», рабы и заложники; «Норд-Ост» и Беслан, Рамзан Кадыров и Владимир Путин; события в Северной Осетии, Ингушетии и на Ставрополье, – обо всем написано в лучших традициях «Коммерсанта», то есть точно и объективно. Автор книги – женщина, и это придает книге особую пронзительность и эмоциональный накал. Это – не сухое изложение событий, не отстраненное рассуждение политолога, а полное боли и сострадания к людям живое и яркое повествование. И это, несомненно, ставит книгу в ряд лучших образцов отечественной журналистики.

Содержание

Чечня рядом	5
Предисловие автора	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Алленова

Чечня рядом

Война глазами женщины

Автор выражает благодарность Павлу Шеремету за неоценимую поддержку, без которой эта книга не была бы написана.

Чечня рядом

Война глазами женщины

Всем, кто не выжил, посвящается

Предисловие автора

В Ханкале душный вечер, красное солнце садится за горизонт, в облаке мутной желтой пыли навстречу мне, урча и подрагивая мощным телом, движется БТР. На броне нацарапано «Ниссан», а чуть ниже – «черти». Семеро «чертей» в видавших виды камуфляжах улыбаются мне. Их лица черны от копоти. Я даже не вижу улыбок на этих черных лицах, а скорее чувствую их. Гремят взрывы. На горизонте, за Ханкалой, видны кровавые отсветы: который месяц мощным пламенем горят нефтяные скважины, и никто не в силах успокоить растревоженную землю. Медленно, вразвалочку, к железнодорожным составам, где мы живем, идет парень в камуфляже и тихо поет. «Если ты можешь, сделай белой мою тень». Я с трудом вспоминаю, откуда это – из какой-то другой жизни. Теперь я не только чувствую тоску – я ее вижу. Этого контрактника похоронили в прошлую войну. На родине ему поставили памятник. А он выжил. Он ходил к своему памятнику неделю или месяц, точно не помню. А потом пошел в военкомат и подписал контракт. Я думала, он сумасшедший. А он просто не может жить в другой жизни.

Утром на площадке у медсанбата опять загружают «двухсотых». Троих. Темные полиэтиленовые мешки под ярким солнцем. Священник, который работает и спит в морге, выходит, смотрит скорбными глазами, дотрагивается до креста на тельняшке.

На взлетку садится борт, он сейчас полетит «на большую землю». Туда, где люди живут так, будто «двухсотых» не существует. Этот борт ждут давно – на взлетной площадке много людей, и всем им нужно «на большую землю» – кому-то в отпуск, кому-то в госпиталь, кому-то за провизией и водкой. С бортами здесь проблема – можно просидеть в ожидании сутки, а то и двое. Контрактники-дембеля, толкаясь и матерясь, лезут в первый приземляющийся борт. Диспетчер кричит осипшим голосом: – Куда прешь, там «двухсотые» полетят!

Командир экипажа машет рукой: «Пятерых возьму». У вертолета давка. Каждый хочет оказаться в числе счастливых. А чуть поодаль на носилках в полиэтилене ждут своей очереди «двухсотые».

В душном раскаленном воздухе вертикально завис боевой МИ-24. Или, по-нашему, «крокодил». Маневры. Над лагерем кружат еще несколько «крокодилов» – значит, начинается какая-то операция.

«Крокодилами» мы стали называть их в Комсомольском. Там эти быстрые машины с тяжелой носовой частью, похожей на пасть аллигатора, вот так же почти вертикально шли в землю, а потом взмывали в воздух и расстреливали боезапасы. Маневрировали, чтобы не угодить под снаряды с земли. Под их снаряды угодило все Комсомольское.

Здесь я, как первобытное существо, познаю жизнь через свои ощущения и инстинкты. Только интуиция выводит из лабиринтов заблуждений, которым неизбежно подвержены журналисты на войне. Пытаться здесь что-то понять – бесполезное занятие. Тот, кто пытается понять, сюда больше не едет. Тем, кто хочет работать, нужно отключить свой мозг. Только сбор и передача информации. Ты – машина в большой мощной системе, которой управляет кто-то невидимый и жестокий. Может быть, поэтому многие газетчики здесь пишут хуже, чем в своих редакциях.

Эта война разрушила все мои представления о справедливом мироустройстве. Очень долго мне не хотелось верить в то, что от ошибок авиации и артиллерии погибают военные и мирные жители, но они погибали. Страшно было думать о том, что тысячи людей прячутся в подвалах, а силы, которые призваны их защищать, их же бомбят. Тысячи стариков и детей, брошенных государством на смерть. Сотни выжили, но и они никому не были нужны.

Тот Грозный, который увидела я в начале 2000 года, остался в душе комком боли, и даже сейчас я не могу спокойно въезжать в этот город, где в каждом доме мне чудится черный покосившийся скелет. Архитектура войны вьелась в память навсегда. Полдома с вывернутыми внутренностями: тряпками, ведрами, холодильниками, застывшими в раскученном чреве дома, который никак не может умереть. Пустые черные улицы. Липкий страх. Я до сих пор думаю, что, если ад существует, он выглядит именно так. Так думали измученные и озверевшие омовцы, нацарапавшие на стенах своего блокпоста уже знаменитую фразу: «Добро пожаловать в ад, часть 2». Им отвечали черным мелом другие измученные и озверевшие – те, кто стрелял в них по ночам: «Лучше смерть, чем жизнь в рабстве».

За эту войну я поняла одно: оружие никогда не должно стрелять. Одна пуля, выпущенная ради спасения, запускает механизм разрушения, который невозможно остановить. Российские войска уничтожали террористов в Чечне, а вместе с ними тех, кому некуда было деться из заблокированной Чечни. Мы молчали и ждали, когда их всех добьют. Мы, наверное, не знали, что потом зло вернется к нам. Потом будут убиты 130 человек на Дубровке в Москве и 333 – в школе в Беслане. Но это будет потом.

А в Ханкале спецназ отмечает чей-то юбилей. Выпив водки, здоровые парни катаются в пыли, избивая друг друга до полусмерти. Поединки в пыли – это такая традиция. В мире, где прав тот, кто сильнее, надо все время демонстрировать свою силу. По этому принципу живут люди и целые государства. И государства ничем не отличаются от этих спецназовцев, избивающих друг друга в кровь.

Глава 1

Как я поверила Путину

Все началось 20 октября 1999 года. В Дагестане вовсю шла война с отрядами Басаева, вторгшимися из Чечни. Из локальной эта война переросла в большую кавказскую войну. Тогда все уже знали, что российские войска не останутся в Дагестане и во второй раз пойдут на Грозный. Но война требовала сил, которых у президента Ельцина уже не было. Война требовала преемника. Или преемник требовал войны. И Ельцин его назначил. Им стал молодой премьер Путин, которого еще никто не знал.

Мне позвонила редактор газеты «Северная Осетия», в которой я тогда работала, и попросила съездить на Моздокский аэродром, куда в тот день должен был прилететь премьер Владимир Путин, чтобы официально – насколько это было возможно – объявить вторую чеченскую войну. Аэродром был закрытым объектом, и попасть на него оказалось невероятно сложно – редакции пришлось задействовать городские власти, чтобы обеспечить мне пропуск. Я страшно волновалась. Это было, пожалуй, самое ответственное задание за прошедший после окончания института год, и я боялась его провалить. Я могла не услышать Путина, могла не успеть расшифровать запись (тогда у меня даже диктофона нормального не было, а номер сдавался очень рано).

Собралась я в считанные минуты. Обычно на мои встречи с чиновниками надевался классический шерстяной костюм, который перешла моя умелица мама из своего старого и который я очень любила. И на этот раз я не нашла ничего более подходящего для президентского брифинга. Такси довезло меня до КПП, а дальше пришлось идти пешком. Несколько километров плохой дороги, ведущей от КПП к базе, покрытой тяжелой, резиновой грязью, стали для меня открытием – до тех пор я не бывала на военных базах и не знала, что там бывает грязно.

Когда я добралась до места, где у костров грелись российские военные журналисты, на меня было жалко смотреть – сломанные каблуки, заляпанные грязью колготки и юбка. Журналисты – кто в бушлатах и камуфлированных штанах, кто в джинсах и теплых куртках – смотрели на меня, как на диковинного зверя. Я и сама ощущала себя не самым лучшим образом.

– На войну пришла? – подошел ко мне здоровый мужик в заляпанных грязью джинсах и толстом свитере.

– Пришла на пресс-конференцию Путина, – пролепетала я.

– А-а, – протянул мужик. – Тогда понятно.

Надо мной подшучивали. Не то чтобы зло, но меня задевало. А Путин все не прилетал. И я решила вернуться в город, чтобы переодеться. Я страшно боялась опоздать, но чувствовать себя глупой куклой в этой дружной мужской компании было невыносимо. Мне бросили вызов, и я его приняла.

Я успела. Я вернулась на аэродром в джинсах и кроссовках, уже другим человеком. Отныне это стало моей повседневной одеждой.

Путин прилетел, когда его уже отчаялись ждать. Поздно вечером, когда мы, замерзшие, сидели у костров, прибежал какой-то военный и крикнул:

– Быстро выставляйте камеры, через пять минут он будет здесь!

Я не помню, о чем говорил Путин. Он говорил что-то такое, чему я сразу поверила, что пора защитить свой народ от угроз и вылазок бандитов. Что пора стать сильнее. Что нельзя терять Кавказ, за который Россия отдала так много жизней.

Я почувствовала: он поможет моему городу, моей республике, он поможет всей стране стать сильной и свободной. Я была совсем глупой маленькой девочкой, которая верила в добрых волшебников. В тот день на Моздокском аэродроме будущий президент начал свою войну. А я – свою.

Несколько месяцев после этого я ездила в приграничные районы Чечни, куда были введены войска. Слушала истории немногочисленных казаков в казачьих станицах Шелковской, Ищерской, Стодеревской – это были леденящие душу истории о расправах над русскими в этих селах. Ходила на могилы тех, кто не дожил до этого дня. Смотрела в испуганные лица русских старух, которые просили забрать их с собой, «в Россию». Я понимала, что все правильно – войска идут в Чечню, чтобы спасти этих людей.

* * *

На военную базу в Моздоке стекались новости, как официальные, в виде информационных сводок Минобороны, так и неофициальные – те, которые приносили «счастливики», побывавшие в Чечне. Съёмочные группы официальных телеканалов периодически покидали аэродром на военных вертолетах, чтобы увидеть и отснять армию, продвигающуюся к Терскому хребту. Остальные отчаянно им завидовали, заискивали перед пресс-службой и пили водку с полковниками, контролирующими журналистов. Мне, не пьющей водку и не ругающейся матом, не было места в пресс-службе. А слушать рассказы телевизионщиков, вернувшихся с передовой, порой было просто невыносимо.

К ноябрю на базе не осталось ни одной съёмочной группы, которую я не просила бы взять меня с собой в Чечню.

– Я буду носить штатив, только возьмите, – упрашивала я.

Мне отвечали, что взяли бы, но пресс-служба будет против, а портить отношения с ней нельзя. Возглавлявший тогда пресс-службу полковник Фирсов из Минобороны, кажется, поставил себе цель – ни за что не выпустить меня с территории военной базы. То ли его не устраивал мой статус стрингера, то ли просто то, что я женщина.

Помогли ребята с телевидения Северо-Кавказского военного округа – корреспондент Слава Алимичев и оператор Дима Олиференко. Видя, что я каждый день бьюсь лбом о стену, Слава как-то сказал:

– Завтра приходи на базу пораньше, борт идет на Терский хребет. Мы тоже летим. Попробуешь с нами.

в шесть утра я была на аэродроме. Полковника Фирсова здесь не было, и это был хороший знак. Зато были человек десять журналистов центральных телеканалов, и это было явно не в мою пользу: вертолет МИ-8 может взять на борт от силы 20 пассажиров, а учитывая, что с нами летели еще военные, мои шансы улететь сокращались. Пресс-секретарь командующего Западной группой войск Натиф Гаджиметов, запрыгивая в вертолет, сказал:

– Тебя не возьму. Там холодно, грязно и спать негде, а летим с ночевкой.

– Ну, солдаты где-то же спят! – в отчаянии сказала я.

Гаджиметов только усмехнулся:

– Места на борту все равно нет.

– Да у нее выдержки побольше, чем у тебя, – вступились Слава с Димой. – А место ей найдем.

И я полетела – да здравствует журналистская солидарность!

В тот первый мой вылет мы оказались на позициях Западной группы войск на Терском хребте поздно вечером. Оказалось, что это уже не совсем передовая, потому что войска ушли дальше, заняв Ачхой-Мартан и застряв под ожесточенно сопротивляющимся Бамутом, но ставка командования располагалась здесь, на хребте, и генерал Шаманов в этот день был здесь же.

– Сегодня спать, а завтра провезем вас по позициям, покажем, как они тут от нас оборонялись, – сказал Гаджиметов.

Нас устроили в огромной палатке, где уже жили человек десять солдат. Посреди палатки стояла буржуйка, в нее подкладывали дров и поливали их соляжкой – горело хорошо, но дышать было просто невыносимо. Вместо кроватей был большой и длинный, сколоченный из досок, топчан, и на нем предстояло разместиться и хозяевам палатки, и гостям. Я растерялась, только сейчас поняв, что имел в виду Гаджиметов, говоря о том, что спать негде. Друзья меня успокоили.

– Ляжешь между мной и Димкой, – сказал Славка, – в обиду не дадим.

Не то чтобы я боялась кого-то в этой палатке. Просто до сих пор подобная ситуация показалась бы мне абсурдной.

Еще более абсурдным показалось бы приглашение генерала Шаманова, полученное мной, никому не известным стрингером, в то т же вечер. Дело в том, что интервью с командующим группой войск «Запад» добивались все прилетевшие со мной телевизионщики. Но генерал – видимо, в силу природной скромности – сказал, что не готов к общению с телевидением и согласен встретиться только с газетчиками. Из газетчиков была только я, и Нати́ф Гаджиметов, весело ругаясь и называя меня хитрюгой, повел к генералу.

Это был мой первый эксклюзив.

20.11.1999. Владимир Шаманов

Генерал ужинал в своем кунге. Этот кунг отличался от остальных – две комнаты, ковер на полу и хорошо сервированный стол.

– Ребенок, – сказал Шаманов удивленно. – Тебя кто сюда пустил?

– Вот, Владимир Анатольевич, это и есть единственный товарищ из газеты, – улыбнулся Нати́ф.

Я, страшно робея и сразу забыв все придуманные впопыхах вопросы, включила диктофон. Чтобы собраться с мыслями, спросила первое, что пришло в голову: почему генерал так популярен в войсках? На позициях его называли «батей», офицеры его боялись, но знали, что своих он никогда не сдаст, и поэтому уважали.

– Я не «ястреб» и не мессия. Я – простой русский генерал, и мне приятно, когда на позициях меня узнают солдаты, – сказал Шаманов. – Не убегают, не прячутся, а улыбаются. Это высшая награда. А почему это происходит, я никогда не задумывался. Наверное, жизнь выработала во мне что-то, что близко моим солдатам. Ведь я сам из крестьянской семьи, нас было шестеро детей, и жизнь познал очень рано.

Сама того не понимая, первым же вопросом я расположила генерала к себе. Обычно отвечающий отрывисто и резко, сейчас он расслабился и говорил, как будто забыв о диктофоне.

– Что вы думаете о нынешней чеченской кампании?

– Это не совсем обычная война. Мы воюем на своей территории с группами бандитов. А потому порой применяются неклассические приемы освобождения территории от противника. Упор делается на переговоры с мирным населением. Действенность этой тактики налицо: без потерь освобождены Гудермес, Ачхой-Мартан и многие другие селения. Например, Ачхой-Мартан осаждали около недели. Потом старейшины сами выгнали часть ваххабитов, а оставшиеся сдались. По просьбе старейшин мы не стали проводить в Ачхой-Мартане зачистку. Не стали изымать и оружие. Переписали его номера, проверим по учетам, а потом сформируем из местных жителей дружины, которые будут охранять село. К сожалению, договориться об освобождении Бамуга не удалось. Там идут тяжелые бои. Но, думаю, ситуация и там будет решена в ближайшие дни.

Вообще, люди устали от войны и готовы с нами сотрудничать. А наша задача – минимизировать потери, как среди личного состава, так и среди населения. Но боевики по-прежнему проводят провокации, ведут минометный огонь с окраин населенных пунктов. Не хочу рас-

крывать военных секретов, но в ближайшее время будет применено несколько нестандартных приемов, которые создадут серьезные проблемы нашему противнику.

– Правда ли, что на освобожденных территориях начинается настоящая партизанская война?

– Любая партизанская война в классическом понимании обречена на поражение, если не будет поддержки населения. Если мы реализуем концепцию военных комендатур, через которые будут проходить все финансовые потоки, плюс к этому создадим правовую базу в системе МВД, прокуратуры и любое правонарушение будет наказываться – вот тогда массового сопротивления не будет и люди нас поддержат. Конечно, поиск взаимопонимания – процесс долгий, но мы готовы подождать.

– В одном из интервью вы сказали: «Если остановят войска, я сниму погоны». Это своего рода ультиматум, имеет ли боевой генерал право его ставить?

– Если нас остановят, получится такая ситуация: подчиненные, выполняя мои приказы, меня не предавали, а я их предаю. Я просто не вправе буду оставаться в рядах Вооруженных Сил.

– То есть у вас нет уверенности в том, что война будет доведена до логического конца?

– У меня есть уверенность в победе. Стопроцентная. А насчет логического завершения – это вопрос открытый. Потому что мы живем в уникальном государстве, где события могут развернуться в противоположном направлении по воле одного человека. Но очень хотелось бы, чтобы начатое дали завершить.

Генерал Шаманов отражал тогда настроения Генштаба и своего непосредственного начальника Анатолия Квашнина. Именно Квашнин настаивал на «войне до победного конца». Генералы, воюющие в Чечне, один за другим намекали на то, что снимут погоны, если войска будут выведены. Все эти генералы были преданы лично Квашнину и уже пережили позор Хасавюрта в 1996 году. Квашнин был настолько мощной политической фигурой, что его генералы могли позволить себе такие высказывания.

Они шли, сменяя чеченское сопротивление, по городам и селам, а за ними оставались сожженные дома, кровь и смерть. Рассказы о мирной сдаче городов были не больше чем политическим ходом. Я действительно видела, как сдавали Ачхой-Мартан чеченские старейшины – они вышли к Шаманову с просьбой не разрушать село и обещанием, что не станут стрелять по военным. И вывесили над селом российский флаг. Но спустя несколько дней кто-то выстрелил, и начались жестокие зачистки. Бамут, который армия Шаманова брала несколько недель, пал – когда там не осталось ни одного целого дома и ни одной живой души.

Все это я узнала уже потом, спустя год, когда история с подчиненным Шаманова полковником Будановым развязала языки всем и чеченцы заговорили о «кровавом генерале», который сжигал их села.

Моя следующая – и последняя на этой войне – встреча с Шамановым состоялась в Аргунском ущелье, в предгорном селе Дуба-Юрт. Армейские подразделения только что взяли горное Лаха-Варанды, а боевики отошли за Волчьих ворота. Наступление остановилось – ударили морозы, горные дороги обледенели, а те отряды, с которыми воевала целая армия, били оттуда, откуда не ждут, и растворялись в горах. Они заходили в села, отогревались там и уходили снова. И помешать этому никто не мог, потому что они были на своей земле, а русская армия их землю топтала сапогами и разрушала их дома. Партизанская война началась именно тогда, после жестоких и кровопролитных боев, оставивших сотни вдов и сирот. Эта война не закончена до сих пор...

Но тогда, в конце 1999 года, я ЕЩЕ не могла об этом знать. Тогда я видела только одну сторону медали – воюющую армию, которая увязала в грязи и крови, вертолеты, увозящие в Моздок «груз 200», и остервенение офицеров, теряющих бойцов.

* * *

В расположение Западной группы войск мы ехали на БТР, без представителей пресс-служб – к тому времени я уже обросла связями, и иногда удавалось выбраться на позиции, где шла настоящая война. Сидели на броне. Я просилась внутрь, но офицер сказал:

– Внутри тепло, но если нарвемся на мину, будет из тебя жареная картошка.

Мы уже в предгорьях Аргунского ущелья, на улице минус десять, кроме нашего БТР и военного «уазика», на дороге ни души. Кроме того, что страшно, еще и холодно – так, что не могу пошевелить губами. На меня набросили два бушлата, но это уже не помогает. Морозный ветер бьет в лицо, глаза слезятся, слезы сразу же замерзают. Почти два часа на броне от Ачхой-Мартана до опустевшего селения Дуба-Юрт, где стоит штаб группировки, – наверное, самые тяжелые для меня на этой войне.

Ночуем в офицерском кунге, я сплю на каком-то металлическом ящике, фотокоры-стрингеры – прямо на полу, на бушлатах. Один из них, Юра Козырев, утром уходит вместе с разведчиками в Пионерское. Село еще не занято войсками. Я, ожидая интервью с Шамановым, остаюсь в Дуба-Юрте, но командующий занят. Мы пытаемся проехать следом за Юрой, но в Пионерском начинается бой. Доезжаем на «уазике» до Лаха-Варандов, и нас разворачивают назад. На моих глазах отряд огнеметчиков в белых масках отправляется в Пионерское. Это в километре от того места, где мы стоим, и здесь хорошо слышна стрельба.

– Сразу открывайте залповый огонь, – дает последние инструкции командир. – Потом занимайте позиции. Возвращаюсь в Дуба-Юрт.

– Обстановка сложная, – говорит Шаманов таким тоном, что я понимаю – ему проще было бы ругаться матом. – Продвигаться вперед войска пока не могут. Очаги сопротивления бандитов сузились, и это четко обозначилось в Грозном и на горной местности. Горы мешают нашим маневрам: есть непроходимые места, а расщелины и пещеры служат хорошим укрытием для бандитов. Действия авиации и артиллерии здесь не очень результативны. Плюс ко всему сложные погодные условия. Неделями стоят туманы, морозы. На днях одно из подразделений проводило разведку в районе Волчьих ворот. Ребята начали подъем на высоту 800 метров над уровнем моря. Там – обледенелые склоны, видимость – метров на сто, не больше. Поэтому сегодня главная задача Западной группировки – не допустить прорыва боевиков из Грозного и их отхода в горы, а также прорыва из Аргунского ущелья.

Грозный блокирован, так говорит Шаманов. Три группировки войск пытаются удержать периметр чеченской столицы. Но небритые офицеры в неофициальных беседах говорят о другом – о том, что в этой республике нельзя вести позиционную войну. Воюющие чеченцы растворяются в этих горах, точно духи.

– Крыша едет, в каждом видишь «духа», – говорит Сашка Горлов из медчасти. – Пацана видишь, думаешь, что он сейчас тебе в спину гранату кинет. Бабу видишь – думаешь, сейчас побежит и наведет на тебя «духов». А когда «двухсотых» грузим в борты, думаешь, что завтра твоя очередь.

Сашка пьет медицинский спирт. Я отогреваю онемевшие пальцы у буржуйки.

– Знаешь, что самое страшное? – спрашивает Сашка. – Чем больше мы в них стреляем, тем больше они нас ненавидят. Это никогда не закончится. Столько убитых. Ты даже не представляешь, сколько у нас убитых.

Я спрашиваю Шаманова, почему боевики сопротивляются – так, будто жить не хотят.

– Это как в спорте, – отвечает генерал. – Если в начале турнира можно расслабиться, поберечь силы, то сейчас, в момент решающих схваток, необходимо собрать волю в кулак, все силы. И они это понимают. Причем это не просто бандиты, а люди, привыкшие выполнять

приказы и получать за это деньги. Известно, что за события в Шали и Аргуне боевики получили огромные суммы. Но сейчас их боевой дух на исходе.

Про боевой дух генерал преувеличивает. В те дни боевой дух в чеченских отрядах был выше, чем когда-либо. Именно поэтому западная группировка теряла людей. Я спрашиваю Шаманова о потерях. Он морщится.

– Потери действительно большие?

– Потери есть... Сказывается и подготовка наших младших офицеров, недополучивших теории в военных учебных заведениях и практики в ходе боевой подготовки, которая в последние годы практически отсутствовала. Все это мы пытаемся компенсировать ударами авиации и артиллерии, но погода не всегда на нашей стороне. Да и степень остервенения боевиков часто так велика, что при столкновении с ними наши 19-летние парни просто не выдерживают.

И я снова спрашиваю Шаманова о возможности переговоров.

– Да я на сто процентов за! – злится генерал. – Пусть только покажут, как это сделать. Если боевики сдадут оружие, выдадут тех, кто повинен в тысячах смертей, – мы готовы к мирному решению проблемы. Но все реально понимают: если мы сейчас не завершим начатое, мы потеряем Россию.

Так рассуждали тогда все офицеры и даже солдаты. Они хотели завершить начатое. Но прошло чуть больше года, и Кремль рассудил иначе, отдав Чечню в руки чеченцев и согласившись на постепенный вывод войск. И вся эта партия войны бессильно сжимала кулаки, матерясь и называя руководство страны «предателями, устроившими второй Хасавюрт». Эти люди считали, они потеряли Чечню, потому что им не дали завершить их войну, а вовсе не потому, что очень жестоко ее усмиряли, а она не хотела покоряться.

Генерал Шаманов ушел из Чечни через полгода. Он стал губернатором Ульяновской области – так Кремль отблагодарил одного из самых верных своих генералов, привыкших выполнять приказы, не обсуждая.

07.12.1999. «Сопrotивление бессмысленно»

Российские военные неоднократно заявляли, что Грозный штурмовать никто не будет.

– Нам не нужны лишние жертвы, – говорили они. – Армия выдавит боевиков из города, а мы подождём. Нам торопиться некуда.

И все-таки оказалось невтерпеж.

И вот федералы активизировались. Для начала на востоке был взят Гудермес. Затем на западе после полуторамесячного топтания за несколько дней была сломлена оборона чеченцев по линии Бамут – Асиновская – Серноводск. Север республики был занят уже давно. Таким образом, Грозный блокировали с севера и запада. С востока его еще прикрывал Аргун, до которого немногим больше 10 км. Вся территория южнее Грозного, несмотря на бомбежки и артобстрелы, находится под полным контролем боевиков. Но в горную часть федералы пока не пойдут, ограничившись, по словам первого заместителя начальника Генштаба Валерия Манилова, взятием двух городов на подступах к столице – Урус-Мартана и Шали.

Первым в самом конце минувшей недели пал Аргун. Говорят, его защищала группировка известного полевого командира Руслана Гелаева, который до этого не смог удержать Гудермес. Как утверждают генералы, более половины аргунских боевиков уже уничтожено. Что с самим городом, они не говорят, как и о российских потерях. Бои продолжались еще вчера вечером. Впрочем, федералы называют их просто зачистками, «которые проводят два полка внутренних войск».

По словам военных, это делается так: «Выдвигается группа из пяти-семи человек и в случае обнаружения очага сопротивления отступает, не ввязываясь в бой. После этого по бан-

дитам бьет авиация и артиллерия». Самое интересное в этих сообщениях – утверждение о том, что местное население к армии лояльно.

Блокада Грозного с востока – вопрос решенный. Чего нельзя сказать о ситуации на юге – в Шали и в главном центре чеченских ваххабитов и похитителей людей Урус-Мартане. В последнем засело до 5000 боевиков и наемников-иностранцев, которые поклялись удерживать город всю зиму.

Однако федералы постараются взять оба города до конца этой недели, поскольку уже определен срок штурма Грозного. Это 11 декабря. Именно эта дата указана в листовках, которые самолеты и вертолеты разбрасывают над Грозным.

В них говорится, что российские войска завершают блокаду, а потому жителям во избежание жертв предлагается до этой даты покинуть Грозный. Беженцев пропустят через коридор в станице Первомайская и разместят в палаточном городке в селе Знаменское. Листовка гарантирует беженцам все конституционные права и обещает возвращение домой, когда город будет освобожден. Правда, к тому времени от домов вряд ли что останется. Но об этом умалчивается, зато провозглашается основная задача российских войск: «Сохранение жизни и обеспечение безопасности мирного населения». А пока, говорится в листовке, «вы окружены. Все дороги из Грозного заблокированы. Дальнейшее сопротивление бессмысленно». Дальше еще страшнее: «Лица, оставшиеся в городе, будут считаться террористами и бандитами, и их будут уничтожать артиллерия и авиация».

Глава 2

Победоносное поражение

Весь 2000 год был для меня сложным, напряженным и интересным. Я узнавала войну изнутри. Я училась выживать в сложных ситуациях, училась справляться с собой.

Часто, просыпаясь на рассвете, чтобы лететь с военными в какой-то район Чечни, я не понимала, куда еду и зачем. Хотелось снова лечь в постель, завернуться в одеяло с головой и забыть обо всех полетах и заданиях. Я одевалась и брела к автобусу, идущему на аэродром, ненавидя себя за то, что не могу не идти. Через пару часов ненависть к себе сменялась гордостью – я справилась с ленью и страхом, я победила.

Хуже всего было в вертолетах. Я страдаю аэроблезнью, в детстве меня даже в машине качивало. Когда я впервые зашла в вертолет – это был МИ-8, – я еще не знала о том, что будет так плохо. Через 40 минут полета меня выносили чуть ли не на руках коллеги с ростовского военного телевидения. Летать надо было каждый день. Приземляется вертолет, я выползаю на травку и лежу, а коллеги работают. А о боевых МИ-24, которые маневрировали над опасными участками так, что сердце было в ногах, а ноги – ватными, я вообще не говорю. Коллеги, всю дорогу разливающие водку по стаканчикам, потешались надо мной, а я им страшно завидовала. Они ведь потом могли работать!

Так продолжалось месяца три. Потом что-то произошло, и я привыкла. Я справилась и с этим. Это была победа, это был перелом. Я наконец смогла нормально работать и даже в вертолетах умудрялась брать коротенькие интервью.

К концу января 2000 года я наконец попала в Грозный.

Помог случай. На Моздокском аэродроме я познакомилась с помилованным Ельциным Бисланом Гантамировым, вышедшим из Лефортово и возглавившим чеченское ополчение.

Гантамиров много смеется и убедительно отвечает на вопросы. Приставленный к нему на всякий случай полковник фсб запрещает ему брать с собой журналистов, кроме съемочной группы НТВ, – полковник просто не хочет брать с собой меня, но Гантамиров, обезоруживающе улыбаясь, говорит: – Нет, ее возьмем.

Мы добираемся до Грозного на машинах, ночуем в Урус-Мартане в доме одного из ополченцев и доезжаем до Старой Сунжи.

Сразу за Старой Сунжей начинается 6-й микрорайон Грозного. Точнее, то, что от него осталось, – развалины девяти- и пятиэтажных домов, груды кирпичей и бетонных блоков. В этом микрорайоне одно из подразделений Гантамирова должно водрузить первый российский флаг в чеченской столице. Мы идем с ополченцами. К уцелевшей девятиэтажке продвигаемся перебежками: где-то рядом работает снайпер. Разрушенные этажи, разбитая лестница, зияющая провалами, через которые мы перескакиваем, поднимаясь наверх. Занесенная снегом крыша. Быстро и ловко ополченцы устанавливают флаг.

Еще несколько домов – и начинается так называемая передовая.

Похоже, что артиллеристов и снайперских пуль не боятся только местные жители. Я не верю своим глазам, когда на балкон полуразрушенного дома выходит старик в заячьей шапке, завернутый в розовое в клетку одеяло. Он смотрит куда-то в небо и шурится. А я смотрю на него и не могу поднять фотоаппарат. Потом, много позже, в Москве, в Третьяковке – глядя на «Апофеоз войны» Верещагина, я подумаю, что на самом деле апофеоз войны – не эта груда черепов, а тот старик в заячьей шапке.

А Гантамиров полон оптимизма и задора – ему обещали президентство, и он чувствует в себе силы решать судьбу республики. Я слушаю его и думаю о старике в заячьей шапке. Со мной происходит что-то страшное. Наверное, такие чувства испытывает человек, совершивший в состоянии аффекта убийство и вдруг начинающий понимать, что же он наделал.

25.01.2000. Бислан Гантамиров

– Вы лично командуете боями. Не страшно ли вам, в общем-то гражданскому человеку, брать на себя ответственность за исход операции, за судьбы людей?

– Я взял в руки оружие в 1993 году, когда дудаевская гвардия расстреляла городское собрание. Год мы воевали самостоятельно, потом к нам на помощь пришли федералы. Затем Автурханов создал Временный совет, и я стал командующим объединенными силами оппозиции. Два раза мы штурмовали Грозный, так что все это мне уже знакомо. Фактически военная и политическая тропы сошлись в одну дорогу, и я шел по ней до тех пор, пока не оказался в Лефортовской тюрьме.

– Чем было продиктовано ваше освобождение?

– Необходимостью или, если хотите, безальтернативностью. Нужно было кого-то противопоставить тем, кто правил бал в Чечне.

– Ради чего вы воюете?

– Я считаю себя истинным чеченцем и хочу, чтобы мой народ жил спокойно. Не хочу, чтобы чеченцев отождествляли с бандитами, чтобы в любом крупном преступлении видели «чеченский след». Чеченский народ – самый несчастный, самый гордый и униженный. Но мы всегда смотрели на Россию – не на Турцию, не на Эмираты. Мы говорим по-русски, это второй наш язык. И мы всегда будем жить с Россией.

– Думают ли так все чеченцы? Ведь полевые командиры все же пользуются поддержкой населения...

– Это не так. Полевые командиры рассчитывают не на тейповые или родовые отношения, а только на финансовую поддержку извне. У них нет корней. Все они, кроме Масхадова, – представители других народов. Басаев и Радуев – из Дагестана, Гелаев – из Ингушетии, даже Дудаев происходил из татов. В Чечне всем им делать нечего.

– А какова все-таки роль чеченской милиции в освобождении республики?

– Конкретный пример. Мы вошли в Грозный со стороны Старопромысловского района и Старой Сунжи. Мои ребята, скажу вам с гордостью, жизни не жалеют и воюют лучше, чем федералы. Потому что мы – на своей земле, где знаем каждую улицу, каждый дом. Именно наши ребята идут впереди, а федералы – следом. Скажу так: ни мы без федералов город не освободим, ни они без нас. Главное, чтобы сзади не палили по нам, путая нас с боевиками. Результаты сегодня неплохие: 6-й микрорайон – наш, сегодня-завтра займемся 3-м и 4-м микрорайонами. Скоро весь город будет за нами.

В начале февраля Грозный наконец заняли федеральные войска. 8 февраля с Моздокского аэродрома туда отправлялась колонна МЧС с полевой кухней – первая «мирная» колонна за полгода войны. Я напросилась в кабину к водителю-эмчезсовцу, сказав, что все необходимые документы у меня есть. На самом деле у меня не было ничего, кроме паспорта. Я была стрингером, или, на языке военных, никем. Аккредитации, которую военный пресс-центр выдавал официальным СМИ, у меня за полгода так и не появилось. Пришлось стащить в пресс-центре пустой аккредитационный листок и просто вписать туда свою фамилию. Печати на бланке не было, подписи начальника пресс-службы тоже, но я надеялась, что на постах этих тонкостей не заметят. И оказалась права. Пока мы ехали, меня дважды выводили из машины на блокпостах и изучали мою бумажку, но в конце концов разрешали ехать дальше.

11.02.2000. Грозный еще живой

Ранним утром 8 февраля на площади Минутка было необыкновенно тихо. Ни одной живой души среди завалов, разрушенных догорающих домов и искореженных киосков. Картину оживляют только собаки. Они стоят, низко наклонив головы к трупам.

Трупов на улицах немного. Это в основном пожилые женщины, попавшие под обстрел или придавленные бетонными плитами. Массовые захоронения – в подвалах, куда, по словам спасателей, пока нельзя пройти: входы заминированы.

Примерно через полчаса на Минутку въезжают БТР с солдатами внутренних войск. Вчера армейские подразделения оставили этот район, теперь его будут зачищать бойцы внутренних войск.

– В городе беспокойно, – говорит командир роты ВВ, – по подвалам и чердакам прячутся снайперы. Боевики днем маскируются под мирных жителей, а по ночам берутся за оружие.

Офицер рассказывает, что среди снайперов немало русских женщин. С одной из них, Мариной из Челябинска, солдаты-связисты изредка переговариваются по рации.

– Но недавно в город перебросили нашу спецгруппу снайперов, – продолжает офицер. – В ней также есть женщины. Так что теперь и наши снайперши здесь работают.

Рядом с Минуткой здание комендатуры Октябрьского района. Сюда бойцы МЧС доставили походную кухню, продукты и медикаменты.

К комендатуре подходят люди. В основном старики и дети. Они несколько дней назад вылезли из подвалов, где провели чуть ли не по месяцу.

13-летний Дима потерял родителей – они подорвались на mine. Эмчезовцы собираются отвезти его в лагерь для беженцев в Толстой-Юрт, который будет развернут на днях. Но в основном люди, пережившие здесь войну и голод, из города уходить не хотят.

– Нас нигде не ждут, – говорят грозненцы. – Может быть, здесь развернут какой-нибудь лагерь, где мы смогли бы жить, пока город восстановят.

70-летняя Анна Серафимовна пришла в комендатуру, чтобы поделиться своим горем и услышать обнадеживающие слова.

– Два месяца назад в подвал ворвались вооруженные чеченцы и араб. Сказали, что мы шпионим на русских. Меня и двух моих внучек забрали, посадили в машину. Отвезли в Черноречье. Там меня избили и бросили. Внучек увезли. Почти неделю я добиралась домой. Меня ранило в плечо осколком бомбы. Какие-то люди перевязали меня простыней. Потом я заблудилась, в родном городе не могла понять, куда нужно идти.

Дня через два нашла свой дом. Вместе с другими снова пряталась в подвале. Иногда кто-то выбирался, ходил по квартирам собирал остатки еды. Несколько раз мужчины забивали бродячих собак, на костре готовили пищу. Так и выжили.

Анна Серафимовна надеется, что новая власть поможет ей вернуть внучек. Военные ей ничего не обещают.

На Минутке размещаются вэвэшники: оборудуют посты, ищут подходящее для штаба помещение. Но поиски тщетны: в районе ничего не уцелело. Впрочем, опасны и развалины – на днях здесь стеной придавило нескольких солдат. Поэтому сейчас военные подрывают то, что осталось после бомбежек и артобстрелов. Два полуразрушенных ветхих дома, в которые саперы положили взрывчатку, рухнули на моих глазах.

В завалах спецгруппы МЧС находят трупы солдат.

– За две недели мы извлекли 11 тел, – рассказывает командир сводного отряда МЧС полковник Владимир Денисов. – Один омоновец, проверяя гараж в частном доме, упал в 35-метровую шахту, предназначенную, видимо, для хранения нефти. Его извлекали по частям... Много трупов и у торгового центра на Минутке. Видимо, здесь расстреливали пленных.

Сводный отряд – не ритуальная команда, он предназначен для обезвреживания мин, фугасов и уничтожения цистерн с химическими веществами. В поселке Алханчурский, где находился цех по очистке промстоков, отряд обнаружил и обезвредил 13 заминированных контейнеров с хлором.

Но, по словам полковника Денисова, в городе еще около 60 таких емкостей, и они представляют серьезную опасность до тех пор, пока здесь еще есть боевики.

Пока в Октябрьском районе разворачивали походную кухню и готовили обед для местных жителей, отряд МЧС отправился в Старопромысловский район, где будет действовать второй пункт жизнеобеспечения. Мы едем через Ленинский район, разрушенный еще сильнее, чем Октябрьский. Некогда красивая площадь перед Домом правительства завалена мусором. Сам дом покрыт копотью, а в стенах – пробоины от снарядов.

Люди появляются, когда мы въезжаем в Старопромысловский район. Здесь даже действует маленький рынок, где продают газировку, фрукты и пачки чая. Этот район застроен частными домами, война их почти не затронула.

Комендант района говорит, что ежедневно сюда возвращаются 500–600 человек. Сегодня в Старых Промыслах проживают уже около 3,5 тыс. человек. Активные боевые действия здесь прекратились несколько дней назад, и люди уже начинают привыкать к тишине. По ночам, правда, недалеко от комендатуры работает одинокий снайпер, но вычислить его – дело времени, считает комендант.

Прибывший к вечеру того же дня в Старые Промыслы замминистра по чрезвычайным ситуациям Валерий Востротин сказал:

– Главное сейчас – накормить и напоить людей. Предотвратить возможные вспышки инфекционных заболеваний. В ближайшие дни будем ставить станции по очистке речной воды. А уже сейчас создаем команды из местных жителей по сбору и захоронению трупов.

Правительственная делегация, приехавшая одновременно с нами в Старые Промыслы, решала проблемы жизнеобеспечения населения. Однако на мой вопрос о восстановлении города расстроенный чем-то Николай Кошман в сердцах бросил:

– Да отстаньте вы со своим городом, тут – другие проблемы!

И ушел, закрываемый мощными спинами телохранителей.

Под «другими проблемами» Кошман подразумевал жалобы местных жителей на бесчинства солдат, которые забирают мужчин-чеченцев в фильтрационные пункты. Откуда многие не возвращаются. Жалуются грозненцы и на то, что солдаты уносят из домов ценные вещи. Со всем этим Кошман обещал разобраться.

Вечером, когда я вернулась в Октябрьский район, у здания комендатуры собралась толпа. Повар раскладывал по котелкам и кастрюлям рисовую кашу с мясом.

– Вы не поверите, но мы впервые за долгие месяцы едим человеческую пищу, – сказала 40-летняя Светлана Новикова.

Работы у эмчезовцев еще много. Несколько сотен больных стариков остались в подвалах, откуда не могут выйти. Например, в подвале Дома инвалидов по улице 8-го Марта находится около 30 слепых стариков, но подъезд заминирован. Завтра туда должны выслать саперов.

Мертвый город постепенно оживает. Пережившие войну люди еще не верят в свое спасение и спрашивают у военных, не уйдут ли они. А один старик, ветеран войны, вышедший из подвала, узнав о том, что город освобожден, засмеялся и умер.

К февралю часть журналистов переехала на военную базу в ханкалу. Но туда брали только тех, кто получил аккредитацию помощника президента сергея ястржембского. Меня, как стрингера, ждали проблемы, потому что ни одна московская редакция не стала бы риско-

вать, давая мне аккредитацию и тем самым беря на себя ответственность за мою жизнь. До сих пор никто такой ответственности не нес.

Я позвонила в «Коммерсантъ» и попросила о помощи.

– Оля, мы что-нибудь придумаем, приезжай, – ответил Дима Ждакаев, начальник отдела корреспондентской сети. И я засобиралась в Москву. Улетала военным бортом из Моздока – тем же самолетом летели спецназовцы и военные врачи. И еще один священник из маленького храма на Солянке. С ним мы проговорили всю дорогу.

У меня в жизни бывают случаи, когда в самые тяжелые периоды встречается какой-то человек, после общения с которым становится легче и про которого ты потом думаешь: «А ведь это был, наверное, ангел». Этот священник, наверное, тоже был ангелом. Я летела в чужой город, где у меня не было ни одного просто знакомого человека, и я не знала, куда идти и где ночевать, прежде чем назавтра открыть дверь «Коммерсанта». Но страх ушел, пока я слушала священника. Он рассказывал о солдатах, которых крестил, и о тех, кого отпевал.

– Ничего не бойся, кроме Господа, – сказал он на прощанье. – Он защитит.

Наконец я взялась за золотую ручку на входной двери «Коммерсанта» и вошла внутрь. Меня встретили неожиданно тепло.

– Так вот кто такие репортажи классные пишет! – воскликнул Максим Степенин, и весь отдел вышел на меня посмотреть.

Потом в тесном старом баре мы обсуждали с Максом Варывдиным и Димой Ждакаевым, что делать дальше. Аккредитацию мне сделали.

– Ты только работай в том же режиме, и все будет круто, – пообещал на прощанье Дима.

Я уехала из Москвы в тот же день и с настоящей радостью примчалась на военный аэродром в Моздок. Так в феврале 2000 года моя основная проблема была решена, я получила аккредитацию и могла работать дальше.

* * *

Но как? Попасть в Ханкалу было по-прежнему невозможно – туда пускали только представителей проправительственных СМИ. Заправляли всем прежние полковники из армейского пресс-центра, и им было, конечно, все равно, есть у меня аккредитация или нет. Я для них оставалась стрингером, за которым никого нет. Но мне опять повезло. Во время одного выезда в Чечню я познакомилась с Алексеем Михайловским, человеком, которого прислал ястржембский создать альтернативный пресс-центр в Ханкале и наладить работу журналистов. Михайловский был не военный и поэтому абсолютно вменяемый – он понимал, что публикации в «Коммерсанте» во многом теперь будут зависеть от его политики в отношении меня, и ему, конечно, было все равно, стрингер я или нет. Для меня же было главным попасть в Ханкалу – дальше я надеялась на везение.

В Ханкалу мы переехали в тот же месяц. Меня поселили в железнодорожном составе на самой окраине военной базы – там, где жили все журналисты. Михайловский и его бригада обосновались рядом с пресс-центром, в специально оборудованном вагончике. Благодаря группе Михайловского я объездила весь грозный и ежедневно передавала репортажи в газету.

10.03.2000. Талоны на еду

Старосунженский мост, консервный завод. Раньше неподалеку высились многоэтажки, а теперь – руины. На блокпосту – пробка, здесь собрались жители Грозного, пытающиеся пройти в город. Омоновцы объясняют, что город «закрит, и надолго». Мужчины хмуро молчат, женщины ругаются.

Через пост пропускают лишь небольшой автобус. Это бригада рабочих, занимающихся восстановлением коммуникаций. Они утром по пропускам въезжают в город и до заката должны его покинуть.

Следом к блокпосту подъезжает колонна «уазиков», на лобовых стеклах—копии фотографии Бислана Гантамирова. Это чеченская милиция. Говорят, фотография лидера ополчения действует лучше официального пропуска. Их машины действительно пропускают.

В городе тихо, но улицы уже не так пустынные, как еще пару недель назад. По проспекту Мира какие-то люди идут в сторону комендатуры Ленинского района – там расположена полевая кухня МЧС.

Слева, на месте рухнувшего дома, в грудах кирпичей и бетона, – траурный венок. Алые цветы увивает темная лента: «Погибшим товарищам. Простите, что не успели помочь. Пермский ОМОН». Таких венков за день, проведенный в чеченской столице, я насчитала несколько десятков. Омоновец с блокпоста говорит, что их привозят те, кто приезжает в Грозный, чтобы сменить бойцов отслуживших подразделений. В каждом из них есть погибшие.

На площади у комендатуры Ленинского района дымит полевая кухня, повар в белом халате раздает пищу. По талонам. В день на одного человека – тарелка каши и булка хлеба. Это завтрак, обед и ужин. Но грозненцы благодарны и за это. 30-летняя Ирина рассказывает о жизни в подвалах:

– Пили дождевую воду, ели муку, пока была. Потом есть стало нечего. У нас в подвале было восемь человек, двое умерли. Наверное, от голода.

Две пожилые женщины с шестилетним мальчиком говорят, что живут на улице Розы Люксембург. Их дом в соседнем микрорайоне разрушен, и они перебрались в уцелевшую квартиру. Людмила Трапезникова потеряла всех своих родных.

– Нас было шестеро, – рассказывает она. – Но как-то вечером к нам зашел Ахмед из соседнего дома. В руках у него был автомат. Мы спросили, зачем ему оружие. Он ответил:

– Мстить.

Сначала застрелил моего мужа, потом соседку. Вторая соседка, Анна, бросилась на него с ножом, но не успела. Он убил Анну и ее 13-летнего сына. Я лежала на полу, лицом вниз, но больше выстрелов не услышала. Когда пришла в себя, Ахмеда уже не было. Только трупы.

Недалеко от комендатуры разместился полевой госпиталь Центра медицины катастроф. За месяц через госпиталь прошло более 3000 человек. По словам Назаровой, в сравнении с прошлой войной раненых значительно меньше. Например, из 280 человек, поступивших в госпиталь 1 марта, раненых было всего 20.

– Основные заболевания связаны с неполноценным питанием и переохлаждением, – объясняет главврач. – Много простуженных, с воспалениями, травмами. Есть и инфекционные больные, но их немного. Мы ожидали вспышек эпидемий гепатита, сальмонеллеза, дизентерии, но пока обошлось.

Возле здания бывшей мэрии города разместились военная комендатура. Военный комендант Грозного Василий Приземлин соглашается поговорить со мной.

Генерал рассказывает, что в городе сейчас проживает 15 тыс. человек. Основная часть населения – в Старых Промыслах. Но пока что доступ в Грозный запрещен.

– Город закрыт, так как людям находиться здесь еще опасно, – объясняет Приземлин. – Мы разминировали только 40 % территории. Обезврежено свыше 21 тыс. мин и фугасов, но весь жилой сектор до сих пор заминирован.

– А где живут грозненцы, которые остались без крыши над головой?

– Ищем уцелевшие дома и временно размещаем в них людей.

– Есть ли еще люди в подвалах?

– Нет, мы проверили почти все подвальные помещения. Раненых и больных отвезли в госпиталь Центра медицины катастроф. Но на всякий случай развешиваем объявления, в которых просим сообщать нам о людях, которые еще могут находиться в подвалах.

Даже когда я попала на военную базу в Ханкалу, все время приходилось с кем-то воевать. Это было ужасно – понимать, что где-то что-то происходит, а тебе надо тратить все силы на то, чтобы уболтать какого-то товарища в погонах. Как-то я не смогла улететь военным бортом – начальник пресс-службы Геннадий Алехин, взявший с собой 13 журналистов, прямо на взлетке сообщил, что меня не берет. Летели в Комсомольское, там шли бои, и это был первый вылет для журналистов.

– Вы же обещали меня взять, – бормотала я, едва не давась слезами.

– Возьми ее, Ген, – пришел на помощь коллега Женя Кириченко. – Нас же 13 – плохая примета!

– А у меня другая плохая примета, – ответил Алехин. – я баб с собой не беру.

Не думаю, что это было из вредности. Возможно, он делал это из благих побуждений – чтобы уберечь меня. Но еще очень долго я не могла простить этому офицеру его слов. Они тогда улетели, а я осталась одна на взлетном поле.

Пришлось искать выходы. В тот день на взлетке я познакомилась со штурманом, вертолет которого вез в Комсомольское спецназ. Летчики взяли меня с собой при условии, что борт я не покину, только посмотрю из иллюминатора, что происходит. Это был отчаянный поступок. И эта поездка мало что мне дала, кроме ощущения страха. Правда, на обратном пути я поговорила с ранеными спецназовцами, которых увозили в госпиталь, и с одним солдатом, который несколько дней был в плену у боевиков Гелаева – они держали его в подвале дома, из которого отстреливались. Парень был напуган, но вспомнил интересные факты, которые я использовала в статье. К сожалению, написать про этот свой полет подробно я тогда не могла – за нарушение правил аккредитации могли выдворить из Ханкалы, да и знакомым летчикам не поздоровилось бы.

По-настоящему я увидела Комсомольское только через несколько дней – Алехин уехал в Ростов, и я попала на борт, летящий в осажденное село.

17.03.2000. В Комсомольском

Бои за Комсомольское идут уже две недели. Никаких шансов его удержать у боевиков нет, да они на это и не рассчитывают. Но их командир Руслан Гелаев даже не вывез отсюда свою мать, жену и двух сестер, спрятав их от бомбежек в подвале. На что именно надеялся Гелаев, рассказал его 20-летний племянник Рахимбек, попавший в плен к федералам.

Его дядя и находившийся здесь же, в Комсомольском, полевой командир Арби Бараев еще до начала боев за село обратились ко всем чеченцам с просьбой прислать на помощь по 10–15 человек от каждого из двухсот чеченских тейпов. Кроме того, они рассчитывали на Хаттаба, который в это время прорывался из Аргунского ущелья. Но того, как известно, ценой собственных жизней остановили российские десантники, а добровольцев от тейпов завербовать не удалось. Даже жители Комсомольского накануне прихода гелаевцев бросили свои дома и ушли в Урус-Мартан.

Зато у гелаевцев открылось второе дыхание. Два дня назад они удерживали лишь с десяток домов на юго-восточной окраине села: казалось, еще немного, и все закончится. И. о. командующего федеральной группировкой генерал-лейтенант Николай Баранов успел даже объявить офицерам благодарность за освобождение села и поставил новую задачу: найти Гелаева и всех его сестер. В селе его искали даже с собаками, но он объявился сам. Его выбитые

из села боевики пошли в контратаку, заняли несколько домов, в том числе наблюдательный пункт федералов в полуразрушенной школе, и опять расширили сферу влияния.

– У них тут как? – объясняет один полковник. – В каждом из 500 домов двухъярусный подвал. Вход в него тщательно замаскирован. В нижнем ярусе боевики отсиживаются во время артобстрелов и бомбежек. Но стоит войти пехоте, как они выползают и открывают огонь. Мы в лобовые атаки предпочитаем не ходить, иначе потерь потом не считаешь. Отступаем, значит, и в дело опять вступает артиллерия. Так вот постепенно и вытеснили их.

– А как же они прорвались обратно, если село блокировано со всех сторон? – спрашиваю я.

– Ну мы же не можем поставить бойцов на каждом метре. Несколько дней был плотный туман. Вон видите, за селом поле и овраги? Там боевики и отлеживались под снегом. А ночью уходили в лес и дальше – на горные склоны. Там тоже лес. Я думаю, что и сам Гелаев с семьей так же ушел.

Он всегда ускользает. Но как потом выясняется, всегда остается где-то поблизости. Вон из расположенной рядом лесополосы раздаются автоматные очереди – это группа его боевиков пытается помочь тем, кто остался в окружении. Сколько их там, никто толком не знает: называют цифры от нескольких десятков до нескольких сотен. А ведь сотен семь боевики уже потеряли. Но не уходят.

– А знаешь почему? – спрашивает меня один боец. – Им жрать нечего!

– Почему вы так считаете?

– Да я сам видел, когда они меня в плен взяли.

В начале марта один из прорывавшихся к селу отрядов, который вел лично Гелаев, нарвался на сопке на взвод гранатометчиков 503-го Владикавказского полка. 40 моджахедов были уничтожены сразу, но остальным удалось зайти с тыла и накрыть взвод из минометов. 17 человек погибли, еще четверо попали в плен. Среди них и мой собеседник. Ему, к счастью, удалось сбежать.

– Они буквально набросились на наш сухпай. Прямо тут же открывали ножами тушенку и жрали. Но наши начали артобстрел, и боевики попрятались. Я в этой суматохе и ушел.

Голод – это одна из возможных причин, по которой гелаевцы спустились с гор и заняли Комсомольское. Во всяком случае, большого стратегического смысла военные в этой акции не видят. Дошло ведь до того, что боевики забили в горах последних лошадей, а ждать при этом какой-то существенной помощи от разоренного населения не приходилось. Возможно, Гелаев и решил запастись провизией у родного очага.

– Много их было? – интересуюсь.

– Сотни полторы. Там же сам Гелаев и шесть каких-то чеченок. Одна, в черном жилете и с автоматом, все время была рядом с ним. Из его охраны, наверное. Те все время в черном ходят. Гелаев, кстати, тоже тогда был в черном длинном халате, в жилете и папахе. Спокойненько так ходил по позициям, даже под обстрелом не пригибался. В общем, с ним у нас еще много проблем будет.

22.03.2000. «Духи» сдаются

Вчера над полностью разрушенным селом был поднят российский флаг. Такой финал стал возможен лишь после того, как около сотни гелаевских боевиков сдались федералам в плен. С утра в Комсомольском еще шли бои. Стреляли пулеметы, ухали «саушки» (самоходные артиллерийские установки), кружили в небе «крокодилы». Боевики предприняли последнюю попытку прорваться в сторону Урус-Мартана по руслу реки, но наткнулись на яростный огонь. Поле боя было усеяно трупами полусотни боевиков. Оставшихся федералы зажали в

лощине на южной окраине села и методично добивали. К полудню все стихло. В тот же момент в эфире послышалась чеченская речь. Потом на ломаном русском кто-то попросил:

– Не стреляйте. Мы будем сдаваться. Сейчас к вам выйдет парламентар.

Сразу команда:

– Не стрелять в парламентаров! «Духи» сдаются!

Первый парламентар с белой лентой на обгоревшей палке совершенно неожиданно появился из полуразрушенного дома.

– Ну, пошли, делегат, – обступили его омовцы.

Чеченца сразу привели на командный пункт, где тот объяснил, что защитники села больше не хотят сражаться.

– Отвоевались, – мрачно усмехнулся командующий Объединенной группировкой внутренних войск генерал-полковник Михаил Лабунец. У боевиков было лишь одно условие: пусть их принимает кто угодно, лишь бы не воюющий здесь же питерский спецназ ГУИНа. По радиоперехватам боевики знали, что те понесли в Комсомольском самые большие потери и будут мстить. Тогда чеченцам предложили соборцев из Уссурийска.

Через полчаса из-за тех же обломков появились первые пять человек. Грязные и обрванные, они бросали на землю оружие и под окрики «Руки за голову!» покорно сменяли за соборцами. Вслед за ними вышла вторая группа, потом – еще. По два-три человека выползали из завалов, хотя порой казалось, что они появляются прямо из-под земли. Всего набралось человек сорок. Многие ранены и с трудом передвигаются. В это же время с противоположного края села появилась еще одна группа.

– Ну что, повеселимся? Пока они еще теплые...

Здоровенный соборвец с автоматом наперевес пнул сапогом в спину бородатого чеченца. Тот упал, потом быстро поднялся и, не поднимая глаз, ушел в сторону.

– Сука, – процедил федерал. – Моя бы воля, расстрелял бы падлу.

– Да их всех мочить надо! – откликнулся омовец Серега. – Полгода в наших ребят стреляли. Сдались, когда патроны закончились. Жить хотят, шакалье.

Расчищенная площадка на окраине Комсомольского. Здесь на земле сидят, пригнувшись и заложив руки за голову, сдавшиеся чеченцы. Среди них – две женщины. Разорванная одежда, безразличный взгляд. Они два месяца воюют бок о бок с мужчинами. Одна из них – не просто снайпер, а очень хороший снайпер. Обе страшно боялись выходить к федералам. Два раза возвращались, но парламентар их уговорил.

С земли поднимается раненый боевик. Опираясь на палку и хромя, направляется к федералу.

– Ну ты, мудила, сел, быстро. Быстро! – соборвец направляет в его сторону автомат.

Пленный послушно садится. Соборцы внушают страх, но чеченец все же решается:

– Командир, поговорить надо... Последнее время мы жили в Шатое. Потом Гелаев повел нас на Комсомольское. Сказал, что впереди Урус-Мартан – новая столица ваххабитов. Там нас ждут, там двести ваххабитов с оружием. Там федералы нас будут бояться. Но Гелаев ушел. Не знаем куда, мы давно его не видели. Зато в горах осталось много наших. Если нас не убьют, мы могли бы им объяснить, что нужно сдаваться. Мы понимаем, что федералы нас ненавидят, но нас уже ненавидят и сами чеченцы. За Шатой, за Комсомольское. Не знаю, простят ли.

К вечеру 20 марта стало известно, что в плен сдалось 76 боевиков. Ночью должны были «принять» еще 12, однако из-за начавшейся перестрелки коридор для их выхода был закрыт до утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.